

Юрий
Вовк

НАЯВУ МОИХ СНОВ

* * *

Успокой-ка меня,
капитан однопарусной лодки...
Там, за тем камышом,
тихий плёс будет пристанью нашей.
Посидим, помолчим
за котлетой и гречневой кашей...
Мы с тобой тем похожи,
что так неуверенно коротки.

Я забыл, как весна
небо красила в синий и белый,
Прыгал кот на окно,
и в пластмассовых часиках – кнопки...
бесконечный шалун,
получавший законные трёпки.
Я стихи не любил...
и не знал Ахмадуллину Беллу...

Тихий плёс одичал...
я давно тут, подельник мой, не был...
Здесь на сети давно
изловили последнюю рыбу.
И когда наяву
предоставит хранитель нам выбор –
мне б хотелось летать.
и таблетку от бешенства мне бы...

Я забуду себя,
позабуду, что помнится чётко, –
Книгу сказок твоих,
да и возраст почти «не на Вы ли?»...
Успокой мне меня,
капитан однопарусной лодки...
Успокой мою кровь,
что порою из носа навывлет...

* * *

У меня магазин под боком
И аптека за первым углом.
И хожу я, как все, под Богом,
Но все чаще бегом... Бегом...

У меня полчаса до рейса
На маршрутку до места «пьянь».
Хоть расплячься, а хоть засмейся –
«Инь» моё не сменить на «ян».

Только в мыслях стихов страницы
И промозглый сезон дождей.
Я все больше хочу влюбиться,
Но все меньше люблю людей.

Иногда сочиняю песни,
Как предлог не идти к врачу.
Всё тебе обо мне известно,
И поэтому я молчу.

Снова в памяти, как монеты,
Зазвенели твои слова...
Что нашла, расскажи, во мне ты?
Почему ты опять права?

* * *

На наброске мысли броски
и когтисты.
На судьбе, как на берёзке,
много пятен.

С неба Боженька мне шепчет –
«Ох, артист ты!..
Мне предлог твоих наречий
непонятен...»

А вдали, где я родился, –
Смрад и скука.
И ни строчки, ни единства
между нами.

Вызывай такси на небо.
Ну же, ну-ка!
Я туда-назад за хлебом
и словами.

Так на вкус порою мысли
пахнут ядом.
Кто-то спросит: «Не Матисс ли?»
– Нет, Матисска!

Рифмой ангельской,
не бесной,
буду рядом.
У таможни поднебесной
я не в списке...

* * *

Когда слова ничтожны и пусты,
Когда в них нет ни смысла, ни покоя,
Безвыходно становится душе,
Из круга бесконечного притворства.

Мне чудится осенняя пора,
Мне видится особенная правда,
Которая в реальность моих дней
Выходит из мучительного сна.

Я обрываю спелый виноград,
В саду, где очень мирно и спокойно,

И нет людей, готовящихся в бой,
И нет во мне войны и помрачений.

И если так безвыходно порой,
Из круга бесконечного притворства,
Мне хочется в то место наяву,
Где смысл есть и мыслей, и покоя...

* * *

Разрази меня, гром!
Исповедуй меня, тишина!
Прыгни, счастье, на хвост
синей птице по имени жизнь...
Эта птичка взлетит
над страную, в которой живу.
И зрачки её глаз
мир увидят в сиятельном цвете.

Я на многое слеп.
И поэтому грош мне цена.
Остывает камин.
И в заварнике кончился чай.
Стылый воздух зимы
остужает последний мой пыл.
А взамен – толкотня
беспробудных и тонущих дум.

Ублажай, ублажай
меня, утро, рассветным огнём.
Я проснусь и, даст Бог,
напишу, наконец, пару строк.
А пока дай поспать,
чтоб мгновенье покоя приняв,
навсегда истолочь
из души своей всякое зло.

* * *

Наяву моих снов
я кудесник стремительных строчек,
бесконечностью ватт заряжая свинец тишины...
Мне таким хорошо...
Я не вижу ни пауз, ни точек...
Наяву моих снов
неизменно красивые сны.

Наяву моих снов
 обрывается провод сознания.
 Предзаказ мрачных мер принимает впоследствии мозг.
 Наяву моих снов
 голос девушки в трубке – «Одна я...»
 И слепой городок,
 в этом мире до нервов промозг.

Наяву моих фраз
 всё достаточно нецеремонно.
 Разливались слова, поливая души огород...
 А теперь после дней
 капитального в мыслях ремонта,
 я спешу помолчать,
 для зевка (да и всё!) открывая безудержный рот...

Наяву моих фраз
 всё особенно декоративно –
 расписной гарнитур, телевизор и медленный джаз.
 Кто-то крикнет мне вслед:
 «Ну какой же ты, Юра, скотина!..»
 Наяву моих снов.
 Наяву незатейливых фраз.

* * *

Закурив поутру, из окна наблюдал за Москвою...
 А Москва занималась, как прежде, своими делами...
 Из обычных листков можно сделать всегда оригами...
 На обычных листках написать можно нечто такое!

Взяв в объятья перо, в одиночестве дома большого,
 Он все дни напролёт выводил то ли блажь, то ли нечто!
 Пробуждалась Москва, от нагрузок, упавших на плечи...
 Пробуждалась Душа, изливаясь в Великое Слово.

Много лет, как теперь, его мысли не знали предела.
 Был поэт молодым, неприкаянным, громким; и строки
 Обличали всю суть.

Они свято, как Вечные Боги,
 Позволяли ему продолжать это «гиблое» дело...

Жизнь текла день за днём, расширяя свои окоёмы.
 Часто в спину и лоб разряжались обоймы предательства...
 Но спасала его череда основных обязательств –
 Музы тихий привет от погоды безоблачной в доме...

У него есть Душа, силой мысли зовущая звуки
Обнаженных стихов, от которых мурашки по коже...
В остальном – как и все. Его бытность на нашу похожа...
И вдобавок к тому, у него есть прекрасные внуки...

Остальное – не в счёт. Потому что мы смертные всё же.
А бессмертия ждать можно только с такими стихами...
Из обычных листков не любой смастерит оригами!
Не любой скажет так, чтоб мурашки, да прямо по коже...

Ах, Великая Роль... Доверяя судьбу своей Музе,
Он шагал по земле и маршруты буровил упёрто.
Хоть соперников нет в этом виде искусного спорта.
Он, шагая вперёд, обгонял нас в объёме и вкусе...

Не могли разгадать, вокруг правды ходили кругами –
Как вообще можно жить с сумасшедшей такой головой?
Закурив поутру, из окна наблюдал за Москвою
Сумасшедший поэт, с молодыми, как внуки, стихами...

* * *

На засовы закрыты двери.
Скоро холодно будет, скоро!
Осень терпит свои потери
Перед зимним метельным сбором.

Порошит. Дым клубится. Ветер.
Ожидается смена власти,
Ведь зима в белоснежном свете
Мускулистее и опасней...

С ветром в шумную встрянет драку
Тополь, листьев остатки сбросив.
И зима перейдёт в атаку,
И отправит в нокаут осень.

Без надежды и без просвета
Предначертан итог поединка.
Из окна я смотрю на это,
А как будто стою у ринга.

* * *

Зевнул уставший городок и успокоился.
Пусть не Москва, но схожесть есть – не сразу строился.
От непокорной суеты слегка прозревшие
Кварталы спали в тишине офонаревшие.

Хоть существуем для чего, поймём не сразу мы,
Но мыслей топчется табун в загоне разума.
И в одиночестве души бесшумно топал я,
Внимая музыке весны под голью тополя.

Порой пурга ругалась матом, злилась бешено,
Морозным духом холодила души грешные.
Но тополь рьяно зашумел в ответ на скверное,
Как будто выкрикнул ей вслед: «Неблаговерная!»

Вопросы сыпались в угаре за вопросами,
Сорило небо, не скупясь, седыми осами.
Но всё равно, как ни крути, весна – начальница.
Мне тополь ветками скрипел: «Бросай печалиться!»

Мне тополь ветками скрипел, как в настояние.
Мол, загадай ты на духу своё желание.
Набравшись смелости, как будто выпив лишнего,
Я о тебе среди зимы просил Всевышнего.

А вдруг замерзла ты одна в постельной нежности,
Не спится, может быть, тебе от неизбежности...
И в одиночестве души заблаговременно
Ни в чьей поддержке до конца ты не уверена...

Метельный дух разгорячившийся отмаялся.
«Пора до дому», – я подумал и отправился.
А непослушная зима мела порошею.
И тополь в след мне помахал: «Всего хорошего!»

